

Однако князю Цзиню, чтобы узурпировать трон, была необходима поддержка Цяо Чжихэ, Великого Наставника, главы всех литераторов Поднебесной. Его общение с Цяо Жовэй, независимо от того, вложил ли он в это истинные чувства позже, изначально определённо преследовало цель заключения союза с её отцом, Цяо Чжихэ. Но они строили глазки друг другу два года, и Цяо Жовэй так и не поняла намерений князя Цзиня, всё дни занимаясь только любовными утехами и совершенно не помогая Сун Чэню заручиться поддержкой отца. Это привело к тому, что Сун Чэнь был не слишком близок с Цяо Чжихэ и не знал его истинных взглядов. Цяо Чжихэ был личным наставником Суна И, и Сун Чэнь не осмеливался наобум его прощупывать, не говоря уже о том, чтобы прямо сказать Цяо Чжихэ, что хочет захватить трон.

Поэтому, чтобы втянуть Цяо Чжихэ на свою мятежную колесницу, после того как Сун И положил глаз на Цяо Жовэй, он позволил ей войти во дворец, поссорив Цяо Чжихэ с Сун И. Затем он намеренно раскрыл Суну И свои отношения с Цяо Жовэй, вызвав недовольство Суна И и лишив Цяо Жовэй милости, из-за чего в гареме её попирали ногами другие наложницы. Таким образом, любящий отец Цяо Чжихэ обязательно возненавидел бы Суна И, и тогда союз с ним был бы гарантирован.

Только неизвестно, была ли встреча Суна И и Цяо Жовэй случайностью или неизбежностью? Если даже это было задумано Сун Чэнем, то независимо от того, сколько чувств Сун Чэнь имеет к Цяо Жовэй в этой жизни, в прошлой его намерения касательно неё были в основном корыстными, и искренности в них было мало.

Бедная Цяо Жовэй, ради возлюбленного настроившая отца против императора и получившая верного «добраго пса»-мужчину, даже не знала, что та минувшая жизнь, которую она считала глубокой и незабываемой любовью, на самом деле была лишь обманом в борьбе за власть.

— Ваше Величество, уже пятая стража.

Лу Минцзэ задумчиво сидел, когда услышал тонкий, но приглушённый голос из внешней комнаты. Он собрался с чувствами и спокойно произнёс:

— Войдите, приступайте к служению.

Услышав приказ, главный дворцовый евнух Фу-гунгун повёл группу евнухов и служанок с различными предметами для умывания во внутренние покои. Фу-гунгун, согнувшись в поясном поклоне, осторожно отёрнул полог и увидел, что сидящий на кровати Лу Минцзэ смотрит на него с ясным взором, без малейшей дремоты во взгляде.

Евнух внутренне вздрогнул, поспешно опустил голову и начал осторожно помогать императору одеваться и умываться.

Лу Минцзэ пересекал множество измерений, и трон императора он уже занимал, поэтому такое всестороннее обслуживание не вызывало у него никакого дискомфорта. Напротив, он спокойно позволял Фу-гунгуну возиться с собой.

— Ваше рабство чувствует, что сегодня Ваше Величество выглядите особенно величественно,
— лебезил Фу-гунгун, помогая Лу Минцзэ укладывать волосы и косясь на его лицо.

— Сяо Фу-цзы, твоё искусство причёсывания становится всё лучше, — сказал Лу Минцзэ, глядя на слегка размытое очертание человека в бронзовом зеркале.

Хотя зеркало было не совсем чётким, можно было видеть, что у этого тела, Суна И, черты лица правильные, и если не сказать, что он отличается выдающейся красотой, то его всё же можно было назвать красивым мужчиной.

Однако эта внешность совершенно проигрывала в сравнении с Сун Чэнем. Ведь он был главным героем, и его данные не шли ни в какое сравнение с данными пушечного мяса, каким был злодей.

Сун Чэнь был красив и статен, подобно светлой луне и свежему ветру, к тому же обладал выдающимися способностями и талантами, среди императорских потомков не было никого лучше него. В столице он славился добрым именем и был идеальным женихом для всех дочерей чиновников. Однако такой выдающийся человек был не по душе не только Сун И, но даже императору Тайхэ, который в своё время ценил людей по заслугам и нисколько не скрывал своего пренебрежения к этому племяннику.

Сун И не любил Сун Чэня, естественно, потому что двоюродный брат был слишком хорош, и он испытывал зависть и ненависть. Но Сун Чэнь, как единственный сын родного младшего брата императора Тайхэ, был так холодно отвергаем императором Тайхэ, который даже прямо говорил Сун И, что после восшествия на престол нельзя назначать Сун Чэня на важные должности.

Прежний Сун И считал это мудростью отца-императора и никогда не искал причины, но нынешний Лу Минцзэ чувствовал, что здесь скрыта глубокая тайна.

Император Тайхэ был таким мудрым государем, он никогда бы без причины не стал ненавидеть кого-то, тем более родного племянника по крови. И хотя Сун Чэнь не использовался на важных постах, он всё же носил титул князя. Зачем же ему так старательно захватывать трон, не считаясь ни с чем?

Похоже, ему следует как следует проверить историю императорской фамилии.

После утренней трапезы Лу Минцзэ вместе с Сяо Фу-цзы пришёл в Чертог Минхэ. Величественный Чертог Минхэ в утренних лучах предстал в торжественном виде, выходящем за рамки времени. Лу Минцзэ высоко поднял голову, широким шагом вошёл в большой зал, сел на драконов трон, а все сановники пали ниц и почтительно приветствовали императора.

Лу Минцзэ смотрел на чиновников внизу и втайне размышлял, сколько из этих людей, кричащих «да здравствует десять тысяч лет», уже присягнули на верность князю Цзиню.

Но сейчас был только третий год правления Чжаоу. Хотя среди четырёх соправителей Сун И уже проявлял предпочтение Чжао Ляну, Герцог Чжэньго ещё не пал, а силы остальных трёх соправителей всё ещё нельзя было недооценивать, поэтому людей у князя Цзиня должно быть ещё немного.

— Восстаньте, сановники, — громко произнёс Лу Минцзэ. Услышав эти слова, чиновники внизу один за другим поднялись.

При дворе Великой Цзинь слева стояли гражданские чины, справа — военные. Справа на первом месте стоял военачальник, Герцог Чжэньго Суй Инь. Суй Иню ещё не было пятидесяти лет, он был мощного телосложения, с суровыми чертами лица и без выражения стоял там; воинственная мощь никоим образом не скрывалась на суде.

Прежний Сун И не любил Суй Иня за то, что тот говорил слишком прямо, имел холодный и жестокий нрав и не выказывал почтения перед императором. Однако Лу Минцзэ знал, что этот человек обладал безупречной репутацией и прямым характером, просто он происходил из знатного рода и вырос в армии, поэтому презирал угодничество перед верхами.

Такой человек, если Лу Минцзэ окажет ему доверие и будет относиться с уважением, никогда не предаст его ни при каких обстоятельствах.

Это, вероятно, и есть причина, по которой Сун Чэнь не выбрал путь привлечения Суй Иня, а наоборот оклеветал его. Он, должно быть, знал, что такой упрямый защитник законности, как Суй Инь, невозможно подкупить богатством и властью.

Слева на первом месте стоял глава гражданских чиновников, Министр чинов и одновременно удостоенный титула Великого Наставника первого ранга Ли Чанью. Ли Чанью было уже за шестьдесят, его волосы были седыми, лицо покрыто морщинами. Он происходил из бедной семьи, и покойный император, обладавший талантом распознавать людей, не жалел сил, выдвигая его. Ли Чанью, памятуя о милости покойного императора, платил той же монетой и был предан Сун И.

Однако в обеих жизнях Сун И сослал Суй Иня, отдалился от Ли Чанью, но приблизил к себе Чжао Ляна. Такому злодею-пушечному мясу было стыдно не умереть, это оскорбило бы зрителей.

За Суй Инем и Ли Чанью стояли двое: это должны быть Министр обороны Чжао Лян и Министр финансов, также удостоенный титула Великого Наставника первого ранга Цяо Чжихэ. Не говоря уже об их человеческих качествах, с точки зрения внешности оба были редкими красавцами. Лу Минцзэ, увидев этих двоих, почувствовал, что первоначальный владелец тела на самом деле был членом «общества любителей внешности».

— Есть ли у вас, сановники, доклады? — Осмотрев всех чиновников, Лу Минцзэ уже имел в сердце план, поэтому откинулся на трон и небрежно спросил.

Видно, как Чжао Лян первым вышел из рядов, сделал шаг вперёд и доложил:

— Ваш слуга, пользуясь милостью Вашего Величества, помогал Министру наказаний господину Юю в расследовании дела о мятеже князя Шу и обнаружил некоторые доказательства, которые поистине ужасают. Ваш слуга не смеет скрывать это от Вашего Величества, но замешанные лица занимают высокое положение, и без дозволения Вашего Величества Ваш слуга и господин Юй не смеем продолжать глубокое расследование.

Лу Минцзэ смотрел на выражение лица Чжао Ляна — смесь возмущения и скорби — и про себя холодно усмехнулся. Он действительно умел выбирать время для переселения. Вот же, грандиозная схватка вокруг Герцога Чжэньго Суй Иня сейчас начнётся?

Как только слова Чжао Ляна упали, сановники пришли в ужас. На дворе Великой Цзинь было мало дураков; слова Чжао Ляна явно означали, что он обнаружил человека, сговаривающегося с князем Шу, но кто же в Великой Цзинь занимает такое высокое положение, что даже соправитель Чжао Лян не смеет продолжать расследование?

— Что имеют в виду слова министра Чжао? — нахмурив брови, сказал Лу Минцзэ. — Я поручил министру Чжао полностью разобраться в этом деле, а вы говорите мне, что не смеееете глубоко расследовать? Неужели есть кто-то, чьё лицо больше, чем у меня? Говорите, кого бы вы ни обнаружили, я прощу вам вину!

Тон Лу Минцзэ становился всё выше, было слышно, что он крайне недоволен этим делом; сановники внизу дрожали, боясь выдохнуть, чтобы не навлечь на себя беду.

В безмолвном большом зале слышен лишь ясный и мощный голос Чжао Ляна:

— Тот, кого обнаружил Ваш слуга, — это именно Главнокомандующий первого ранга, Герцог Чжэньго, Суй Инь!

Слова Чжао Ляна упали тяжело, сановники не могли поверить и инстинктивно посмотрели на Суй Иня. Лицо Суй Иня было ещё нормальным, только брови уже нахмурились. Хотя он сразу не стал словами защищаться, военачальники за его спиной уже принялись спорить пониженным голосом, а некоторые вспыльчивые генералы из подчинённых Герцога громко кричали, обвиняя Чжао Ляна в клевете на верного слугу.

<http://bllate.org/book/16840/1549165>